

СВЕТЛАНА РОМАНОВА

НА КАЧЕЛЯХ

РАДОСТЬ МОЯ

18+

Радость моя

Светлана Романова

На качелях. Радость моя.

«Автор»

2026

Романова С. В.

На качелях. Радость моя. / С. В. Романова — «Автор»,
2026 — (Радость моя)

Книга третья: 2002-2005 Вот я и замужем. Рядом со мной любимый мужчина. Дни и ночи наполнились радостью, но обрела ли я покой? Перемены повлекли за собой более сложные вызовы. Удастся ли двум взрослым людям построить гармоничный союз и подружить сыновей-подростков от прошлых браков? Можно ли полюбить свекровь, если за ее вежливостью скрывается ледяное равнодушие? Получится ли найти общий язык со всеми близкими в новом семейном клане? Не поздно ли думать о беременности в сорок лет? Стоит ли решаться на ребенка, если основным добытчиком выступает жена? Как не свалиться в нищету? Что делать с карьерой? Мою судьбу продолжают раскачивать невидимые качели эмоций, взмывающие то вверх, то вниз. Впрочем, моя жизнь никогда не шла по плану. К своим годам я преодолела столько испытаний, что назвать мою историю скучной точно нельзя. Однако сквозь невзгоды и страхи неизменно стремилась к счастью. Прочтите эту книгу до конца, чтобы узнать, как сохранить радость, когда весь мир летит кувырком.

© Романова С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

На качелях. Радость моя. Книга третья. 2002 – 2005 гг.	5
Кратко о содержании первых двух частей:	6
В путешествие по жизни. Апрель-Май 2002.	7
Расцвет и крушение Холдинга. Май 2002.	9
Мой умственно отсталый сын. Май 2002.	12
Западная компания и восточный директор. Июнь 2002.	16
Тамара Степановна. Июнь 2002.	19
Не надо со мной на ночь говорить о недвижимости. Июнь 2002.	21
О дружбе и доверии. Июнь 2002.	23
Дима - святой человек. Июнь 2002.	27
Хрустальная башня. Июль 2002.	31
Эксклюзивный дистрибьютор. Июль 2002.	34
Красный день календаря. Август 2002.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

На качелях. Радость моя.

На качелях. Радость моя. Книга третья. 2002 – 2005 гг.

Вслед за двумя опубликованными книгами:

— Часть 1. Радость моя: хорошая девочка, стерва. 1984–1996

— Часть 2. Радость моя, я ищу тебя. 1996–2002

вышло продолжение

— Часть 3. На качелях, Радость моя. 2002-2005, за которым следует

— Часть 4. Держись, Радость моя. 2005-2008

Кратко о содержании первых двух частей:

Наивная профессорская дочка, в семнадцать лет я осиротела и мгновенно лишилась детства. Усвоив жесткие уроки, превратилась из нищей робкой студентки в независимую смелую женщину. Прошла путь от «хорошей девочки» до «стервы», пока наконец не отвоевала право быть собой.

После развода растила сына-подростка, брала карьерные высоты и обеспечивала себя сама. В активе имелись две самостоятельно приобретенные квартиры. А в мыслях — горячее желание выйти замуж. Но встретить любовь не удавалось. Никто не цеплял, да и сама, видимо, никому не подходила, несмотря на привлекательность и яркий темперамент.

Рубеж тысячелетий выпал на мои тридцать лет и три года. «На печи просидела» — это точно не обо мне, наоборот, чего только не наворотила!

Когда я совершенно отчаялась, судьба свела меня с мужчиной, который изменил мою жизнь. Это был Дима.

Первые свидания обнадежили. Но из-за ложного недопонимания я чуть не разорвала отношения. К счастью, мы преодолели кризис и через два года сыграли свадьбу.

Хотя дома воцарились мир да любовь, мне по-прежнему нельзя расслабляться. Вопросов стало больше. Сложится ли счастливый союз у таких разных людей, да еще и с сыновьями-подростками от предыдущих браков? Или мы разбежимся, так и не найдя общего языка? Нужно ли рожать ребенка? Не слишком ли поздно думать о беременности почти в сорок лет? И кто станет содержать разросшуюся семью, если главный добытчик — не муж, а жена?

В путешествие по жизни. Апрель-Май 2002.

Наше свадебное путешествие на Средиземноморье начиналось рано утром.

Устроившись в такси с котом Изей на руках, я думала: этот медовый месяц однозначно будет «медовее» прежнего, горько-тоскливого и холодного, в первом браке. Чувственность пела в каждой клеточке тела, а присутствие любимого человека создавало вокруг прочный защитный кокон. Судьба наконец смиростивилась надо мной и подарила шанс встретить Диму. В тридцать пять лет мне посчастливилось узнать, что значит быть замужем по любви.

Изя недовольно мяукал и заурчал лишь после того, как я почесала его за ушком. Дима крепко обнимал меня, и я плавилась от удовольствия. Другой рукой он сжимал фляжку коньяка, без которой отказывался приближаться к аэропорту. В отличие от меня, он был напряжен: подавленный предстоящим полетом, боролся с паникой, время от времени делая по глотку.

С моего лица не сходила улыбка, несмотря на то что в голове роились серьезные мысли. Мое одиночество официально завершилось. Цель достигнута. За два года, что мы вместе, наши чувства стали более зрелыми, но вопросов меньше не стало. Главный из них — что дальше? Останется ли радость в ежедневной рутине или она бесследно исчезнет? И если так, то зачем вообще жениться?

Почему-то я вспомнила Милу, которая трижды связывала себя узами брака ради возможности целую неделю поносить пышное облачение принцессы. Она даже платье использовала все то же, которое на третий раз выглядело несколько потрепанным. Не сомневалась: будь она на моем месте, отправилась бы в таком виде прямиком на рейс.

Я захихикала, представив себя в белом наряде с черным котом под мышкой. Нет, ни платья, ни поездки не создают счастья. И не медовый месяц. Его рождает то неуловимое, что возникает между двумя любящими людьми. Но и этого волшебства мало. Оно вспыхивает и гаснет, как пламя спички, а огонь в домашнем очаге нужно поддерживать годами. Это труд. Одни пары распадаются, не выдержав быта, другие — преодолевают любые испытания. В чем секрет? И сможем ли мы с Димой справиться?

Со штампом в паспорте начался наш марафон «в горе и в радости». Эту дистанцию мы бежали не вдвоем: у каждого из нас имелись дети и родственники от предыдущих браков.

После свадьбы у меня возникла амбициозная цель: создать не банальную «ячейку общества», а настоящий семейный клан. Я хотела собрать под крылом любви всех: обоих наших сыновей, папу с его новой спутницей, Димину маму и его младшего брата. И прежних свекров, к которым испытывала благодарность за Кирюшу.

В юности мне отчаянно не хватало этого многослойного фундамента. После ранней потери мамы я пережила удушающее ощущение: мой мир рухнул. Рядом не было никого, кто мог бы меня поддержать.

Повзрослев, я собиралась построить эту опору сама и была готова вкладывать сердце и средства в то, чтобы сплотить наши семьи, уходящие корнями в разное прошлое. Видела как наяву праздники, веселье, дружные застолья. И верила: основой этого единства будем мы с Димой, объединенные той же прочной связью, что была у моих родителей.

Я была дочерью любящей пары, поэтому мечтала воссоздать подобные отношения с Димой. Хотя понимала: распределение ролей у моих родителей было иным. Основным добытчиком выступал папа. У нас же, наоборот, доходы Димы значительно ниже моих. Сейчас нам хватает, но...

Муж мечтает о ребенке, а как сочетать мою стремительно развивающуюся карьеру с материнством? Решиться рожать сейчас или подождать? Кто будет обеспечивать нас всех, если

доход резко сократится? Но и откладывать нельзя — мне скоро тридцать шесть. Не перед пенсией же уходить в декрет.

Основной причиной сомнений был страх вернуться в нищету, из которой я недавно выбралась. Он следовал за мной невидимой тенью, мешая примириться с мыслью о малыше.

— А, да ладно! — прекратила я свои размышления. — Нам и без младенца будет хорошо. Ведь у нас есть двое сыновей, Кирюша и Леша, — лучше и быть не может!

Я искрилась радостью и знала: в этом состоянии наполненности могу свернуть горы. Я любима и больше не одинока. О нет! Мы с Димой отправлялись в свадебное путешествие не вдвоем, а вчетвером, прихватив с собой наших четырнадцатилетних мальчишек.

Они были счастливы и весело горланили песню:

— Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота!

Кота мы, конечно, с собой не брали — планировали по дороге завезти его папе с Ларисой Христофоровной, которые согласились присмотреть за ним пару недель.

Мысли перескочили к предстоящей поездке. Нас ждали два номера в пятизвездочном отеле, бодрящее море, яркое солнце и беззаботное веселье. Расслабление и отдых. Любовь и радость. Свадебное путешествие вчетвером обещало быть потрясающим!

И я не разочаровалась. Спуск по горной речке, водопады, дайвинг, парашют, гидроцикл, банан, аквапарк — каждый день был полон впечатлений. А ночи принадлежали нам с Димой. Отпуск напоминал бриллиант, сверкающий так же ярко, как крупный камень на моем безымянном пальце.

В последний день перед отлетом пришла плохая весть. Позвонила Лариса Христофорова. Она пожаловалась, что папа забыл закрыть дверь балкона. Кот выскочил туда, прыгнул за птицей и упал с четвертого этажа. Мое сердце тоже упало.

— Мы сидим в очереди к ветеринару. Я сообщу результаты осмотра, — произнесла Лариса Христофорова и отключилась.

Я повернулась к Диме, слезы катились по щекам. Изя был членом нашей семьи. Вот для чего нужен большой и дружный клан: если с кем-то случится беда, остальные выручат его, и неважно, человек это или животное. Родные люди всегда подстрахуют.

Муж обнял меня, пытаясь утешить, но было видно, что и он переживает за Изю. Леша и Кирюша тоже расстроились — кот был всеобщим любимцем. Мы молча погрузились в автобус.

Лариса позвонила через час:

— Все не так плохо, он ничего не сломал, ходит, корм поел. Ветеринар сказал, что, возможно, у него сотрясение, но серьезных травм нет.

Вся компания с облегчением выдохнула. Мы с Димой подняли тост за здоровье Изю, а мальчишки получили по шоколадке. Через несколько часов, приземлившись в Москве, мы отвезли Лешу на такси домой, а потом забрали кота.

Когда Изя залез ко мне на руки и заурчал, я окончательно успокоилась. Дома он чуть прихрамывал, но аппетит не потерял. Я почувствовала огромное облегчение, а следом — прилив энергии. Хотелось как можно скорее взяться за реализацию всех задуманных планов.

Расцвет и крушение Холдинга. Май 2002.

На следующий день я ворвалась в офис сияющая — с тортом, шампанским и фруктами. Планировала вечером собрать коллег, угостить их, показать свадебные фотографии и поделиться переполняющей меня радостью.

Но посиделки в последний момент отменились: пришло срочное сообщение о том, что в конце дня состоится общее собрание управляющей компании.

В огромный холл набились сотрудники — мест едва хватило. Народ перебрасывался шутками, настроение было приподнятым. Когда вошел генеральный директор, его встретили аплодисментами. Однако он поприветствовал нас довольно сухо и сразу дал знак начинать презентацию.

Погас свет, на экране появились слайды, которые в прошлом месяце наш отдел готовил для акционеров. Генеральный поздравил нас с результатами — зал взорвался овациями. Нам было чем гордиться: мы создали бренд с нуля и раскрутили его меньше чем за полтора года. Запустили проект в середине 2000 года, а к началу 2002-го узнаваемость марки превзошла самые смелые ожидания.

В апреле всей команде выплатили премии. В маркетинге они были такими крупными, что могли покрыть первый взнос по ипотеке. Коллеги приобретали крутые машины или вкладывались в жилье. Мы с Димой обсуждали, как лучше распорядиться внушительной суммой.

Дима заикнулся о покупке квартиры побольше, намекая, что скоро нам понадобится детская. Все чаще звучали его просьбы о дочке или сыночке, но мне и слышать об этом не хотелось. Какой ребенок, когда карьера на пике, а проекты один интереснее другого! Я была твердо уверена: «плодить нищету» нельзя. Мне с таким трудом удалось расправить крылья и начать наслаждаться жизнью. А с декретом ее уровень неизбежно упадет. Мой стабильный заработок — не дополнение, а основа нашего бюджета. А выплаты на детей мизерные. Месячного пособия едва хватит на пару упаковок памперсов. Материнский капитал в те годы еще не существовал.

Дима, конечно, тоже имел доход, но ему платили «минимум метросексуала» — сумму, рассчитанную на комфорт холостяка. Ее явно не хватало на содержание неработающей жены и троих отпрысков, не говоря о роскошных путешествиях или покупке жилья.

Я отвлеклась и не следила за презентацией генерального — знала каждую цифру наизусть. Но вдруг почувствовала, как в зале все затихло. Атмосфера резко изменилась. Я сосредоточилась на выступлении, ловя каждое слово, но суть дошла не сразу. Директор объявил, что наш бренд... продан. Его включила в свой портфель крупная корпорация.

Эта новость прозвучала как гром среди ясного неба. Я растерянно посмотрела на сотрудников нашего отдела. Марианна поникла, бессильно уронив руки. На Клима было больно смотреть: он опустил голову, пряча лицо. В аквамариновых глазах Танюшки стояли слезы. Все подавленно молчали. Жанна яростно шептала проклятия.

Мы создали нечто уникальное, вложили в бренд душу. Гордились собой и результатом. А чем кончилось? Такая награда? И главное — за что? Получается, если бы не добились таких успехов, то работали бы дальше, тихо ковыряясь в делах и получая немалые зарплаты? Выходит, не стоило надрываться?

Вспыхнул свет. Сотрудники начали расходиться — никто не улыбался. Маркетинг потянулся к себе. Я достала угощения, но настроение было траурным. Все разговоры сводились к катастрофе: так наша команда восприняла услышанное известие. Мы съели по куску торта, едва чувствуя вкус, и разошлись.

Я села в машину и проплакала всю дорогу. Мне отчаянно хотелось уткнуться в плечо мужа, но Дима возвращался поздно — пропадал на работе до ночи. Дома был Кирилл. Моя печаль лавиной обрушилась на него, но сын остался непробиваемо оптимистичен:

— Да ладно, мам, ну что стряслось? Это не горе! Слезами не поможешь, надо просто искать новую работу. Ты же быстро ее найдешь, не расстраивайся. Первый раз, что ли?

Меня поразила его рассудительность. Я посмотрела на сына другими глазами. Раньше он плакал по любому поводу, но мы поменялись ролями. Я дала слабину — он меня подхватил. И ведь нашел нужные слова! Действительно, чего я разнюнилась? Разве это трагедия?

Открыла бутылку сухого и принялась готовить ужин. Тяжелый ком в груди понемногу растворился. В итоге через пару часов проголодавшемуся Диме достались не мои слезы, а горячее жаркое и не менее горячие объятия.

События в холдинге развивались лавинообразно. На следующий день созвали еще одно собрание. Нам официально подтвердили: до конца мая поэтапно уволят абсолютно всех. Была и хорошая новость: пообещали щедрые выходные пособия в размере полугодового оклада плюс компенсацию за неиспользованный отпуск.

Но я не чувствовала того восторга, который вызывала апрельская премия. Перспектива остаться безработной пугала меня до дрожи. Неопределенность выбивала почву из-под ног. Поддержка мужа не помогала — я занервничала, потеряла сон.

Дима советовал не горячиться: взять паузу, провести лето на даче, прийти в себя после безумной гонки, а там, возможно, плавно переключиться с карьеры на материнство. Но это предложение вызвало лишь мое возмущение. Я разозлилась: неужели он не понимает, что для меня это не служебные обязанности, а часть жизни?

Ну что за идеи у моего мужа? То ребенок, то квартира, то мне нужно «отдохнуть»... И все это — одновременно. Он что, оторвался от реальности? Дима прекрасно знал: полной суммы на покупку недвижимости у нас нет, а значит, пришлось бы влезать в ипотеку.

Но я ненавидела слово «заем», все мое существо противилось кредитам. И что, скажите на милость, еще и забеременеть? Что за безумие: вешать на шею ипотеку и тут же уходить в декрет, лишаясь возможности платить по счетам? Собственными руками отправить в таргараы благополучие, которое достигла таким трудом? Ну что ему дался общий ребенок? Разве нам плохо вчетвером? У каждого из нас по сыну, этого более чем достаточно.

Я металась по дому в раздражении, пытаюсь превратить вспышку гнева в логические аргументы. Но не могла. Вместо четких доводов в голове воцарился хаос. Поняв, что не справлюсь, позвонила Лине:

— Лина, что делать? Дима умоляет родить, а сам едва тянет нынешние обязательства. Наши расходы и так огромны, а на нем, кроме алиментов, еще и мама — ей перепадает немалая часть нашего бюджета. И главное, представляешь, предлагает квартиру побольше приобрести в расчете на пополнение. Он что, не умеет считать?

Лина олицетворяла собой невозмутимость:

— Успокойся. Дима любит тебя, хочет детей, и это прекрасно. А считать... считать должна ты. Вот и прикинь, сколько тебе нужно пахать, чтобы обойтись без ипотеки.

— Лина! — я задохнулась от возмущения. — Меня только что уволили! Слышишь? Уво-ли-ли!

— Что за истерика? — голос Лины зазвучал холодно. — Прекращай. Мне прекрасно известны размеры твоих выплат, тут не жаловаться, а благодарить за такую щедрость надо. Юлия, ты бывала в передрыгах куда хуже, а сейчас быстро найдешь работу, не сомневаюсь. Так что... не ссы.

Ее фирменное «волшебное слово» мигом привело меня в чувство. Я невольно заулыбалась, прижимая трубку к уху — напряжение, державшее за горло, начало отпускать.

— А что с беременностью? — спросила спокойнее. — Мне, конечно, и самой хотелось бы малыша от любимого мужчины, но как все это совместить? Ипотека, новая должность, декрет...

— Ты не ответила на мой вопрос: сколько тебе нужно ударно поработать, чтобы обойтись без кредитов?

— Ну... года два, — прикинула в уме цифры, и они наконец начали складываться в четкий план.

— Вот видишь. Тебе через месяц тридцать шесть, время есть, — рассудила Лина. — Сконцентрируйся в ближайшие пару лет на финансах, заложи подушку безопасности, а потом со спокойной совестью родишь.

Так я Диме и сообщила. Глядя на его расстроенное лицо, пообещала: мы обязательно вернемся к этому вопросу позже. Но в глубине души не знала, на чем захочу концентрироваться через пару лет. Главное, было понятно, что делать сегодня: расслабляться некогда. Нужно «делать деньги».

Поиск вакансии начала без промедления — важно было успеть до начала летних отпусков. Рынок был на подъеме, история успеха нашего бренда — у всех на устах. Предложения посыпались сразу. Собеседования назначались ежедневно, их торопливый ритм напоминал пулеметную очередь.

Я неслась сломя голову навстречу переменам. Мои мальчишки — муж и подросший сын — поддерживали меня в любых рискованных решениях. Выходило, что и после свадьбы я продолжала поступать так, как считала нужным. Конечно, это неизменно было направлено на благо семьи. Причем не только нашего с Димой союза, а большого клана, создание которого я поставила своей целью.

Мой умственно отсталый сын. Май 2002.

Хотя Кирилл заканчивал восьмой класс, воспоминание о жутком диагнозе «умственно отсталый», навешанном на него при поступлении в гимназию, продолжало жечь мою душу. Прошло восемь лет, но вопреки здравому смыслу я упорно искала доказательства «нормальности» сына. Иногда я вглядывалась в его глаза, но они были умными и ясными.

Его учеба понемногу выравнивалась. Если в начальных классах двойки и тройки были нормой, то теперь преобладали четверки и иногда пятерки. Математика шла ровно: без провалов, но и без блестящих успехов. Английский давался через пень-колоду. В остальном сын был «середнячком». Впрочем, к естественным наукам проснулся настоящий интерес.

Кирилл много читал. Его главные интересы лежали вне школы: по-прежнему больше всего увлекали конструкторы. Он собирал самые сложные модели, совершенствуя их по наитию, и комната напоминала выставку инженерных идей. Казалось, можно расслабиться — ведь очевидно, что интеллект работает. Но тревога не отпускала. Удручало его полное неумение связно излагать мысли на бумаге. Попытки научить Кириюшу выделять главное, делать выводы или использовать цитаты проваливались. У него не выходило скомпилировать готовые фрагменты. После подробного обсуждения тезисов не получалось складно их записать. Сочинения превращались в катастрофу. Все эти годы приходилось либо биться над ними вместе, либо создавать их за сына. Вся школьную программу по литературе я изучила заново от корки до корки.

В конце восьмого класса мы задумались о поступлении. Стало ясно: Кирилл не гуманитарий, однако и олимпиадные задачи по точным наукам его не привлекали. Зато в химии разбирался хорошо. Его манила эстетика точного расчета и практика, когда можно смешать реактивы и увидеть результат. В этой науке действительно скрывается элемент чуда. В итоге мы остановились на естественнонаучном направлении.

Для серьезной подготовки требовался переход в профильную школу. Одна находилась в центре, другая — у метро «Менделеевская». Мы с сыном посетили обе и пообщались с директорами. Честно говоря, я боялась подставлять сына под их рентгеновские взгляды. Кирилл по-прежнему оставался немногословен, поэтому презентовать кандидата приходилось мне. Несмотря на привычку уверенно выступать перед публикой, в этот раз мне было трудно.

Однако директрисы, будучи проницательными знатоками человеческой натуры, зазывали нас к себе. Профессионалов не смущали невысокие средние баллы: нас встречали с распростертыми объятиями. Такая душевность поначалу меня удивляла, но Дима быстро прояснил ситуацию:

— Сразу заметно, что мальчик из интеллигентной и дружной семьи, — резюмировал он. — Глупо будет с их стороны его упустить.

Картинка и впрямь была идиллической: высокий, худощавый юноша с огромными серыми глазами, скромный и вежливый, и его улыбчивая мама, похожая скорее на старшую сестру, с дипломом Химфака МГУ.

Наш выбор пал на школу у «Менделеевской» — добираться туда было удобнее. Для зачисления требовалось сдать экзамены. Несмотря на мои опасения, Кирилл справился блестяще. Диктант по русскому написал без единой ошибки: выручила зрительная память. По математике досталась контрольная, которую недавно решал в старой школе. И с химией разобрался успешно — хватило периодической таблицы и логики.

Результат меня ошеломил: сплошные пятерки.

Как говорила в девяносто пятом подруга Люся:

— Это не он, а ты умственно отсталая, раз поверила предвзятым оценкам.

Пользуясь случаем, я решила сменить Кириллу фамилию. Написала заявление в органы опеки с просьбой оформить документы по моей девичьей. Процедура прошла без проблем. Так Кирилл перестал быть Скланкиным и стал Кузнецовым.

Сложный пазл разношерстного клана. Май 2002 .

С самого начала нашей совместной жизни с Димой его сын Леша стал ее неотъемлемой частью. Мне повезло: несмотря на трудный возраст, подросток принял меня, новую спутницу своего отца. Пусть я и не имела отношения к разводу Димы, известно слишком много примеров слепой враждебности.

Впрочем, атмосфера нашего дома располагала к общению и взаимной поддержке. Друзья отмечали радость, которая наполняла наш с Димой союз.

Почти все выходные и праздники мы проводили вчетвером. Даже в свадебное путешествие отправились вместе. Отец и двое сыновей, родной и приемный, общались легко, на равных. Мне нравилось наблюдать за этим мужским сообществом.

Леша рос веселым, активным подростком, много шутил и свободно рассуждал на сложные темы. Кирюша на его фоне выглядел менее спортивным, более замкнутым и погруженным в себя. По контрасту с Лешей мой молчаливый сын казался куда менее развитым.

Хотя мальчики были ровесниками и обоим зимой исполнилось по четырнадцать, Леша учился на класс старше и окончил девятый. По примеру обоих своих родителей готовился стать архитектором и усердно занимался с репетиторами. Дима разбирал с ним эскизы, учил видеть объем и перспективу.

Однако и Кирилл радовал меня все больше. В последнее время он сильно изменился, превратившись из плаксы в серьезного юношу. Без троек окончил восьмой класс. Поступил в химическую спецшколу. В начале лета собирался уехать на дачу к бабушке и дедушке, которые души в нем не чаяли.

Моя бывшая свекровь о внуке могла говорить часами:

— Какой красавчик растет! Девушка, поди, у него есть? И хорошо, что нет! Ты следи, рано ему за юбками бегать, пусть учится, лапочка наш.

Анна Ефимовна продолжала дарить тепло, хотя после моего развода с Леной прошло много лет. Но и я не забывала стариков: передавала через Кирюшу милые сюрпризы, заранее выпытывая у него, о чем они мечтают. Эта забота превратилось для меня в особое удовольствие.

А когда случалось нагрянуть к ним самой, Анна Ефимовна начинала хлопотать, а Александр Афанасьевич галантно ухаживал и рассыпался в комплиментах.

Я познакомила их с Димой. Чуть позже Анна Ефимовна отвела меня в сторону и шепнула:

— Ну, с таким отчимом мое сердце за Кирюшу спокойно.

Я невольно засмеялась. Слышать это было невероятно приятно.

К сожалению, с папой и его женой мы виделись редко. Властная Лариса Христофоровна не всегда могла — скорее, не желала — ни приезжать к нам, ни звать к себе. Когда материальное положение ее дочери резко пошатнулось, приемы в доме Ларисы, прежде роскошные и торжественные, стали нечастыми и холодными. Мне не нужны были деликатесы, но расстраивало, что вместе с достатком исчезло и ее радушие.

Вдобавок, было грустно, что Стасик, ее внук, перестал бывать на наших встречах. Удивительно, что между тремя мальчишками — Стасиком, Кирюшей и Лешей — было всего по две недели разницы. Когда этот яркий, талантливый подросток появлялся на посиделках, он одним своим видом создавал праздник для бабушки и всех окружающих. В его отсутствие папа пытался взять инициативу на себя, натужно шутил, но веселье быстро гасло под ледяными взглядами жены.

— Снежная королева, — шептала я Диме, и мы торопились попрощаться.

Конечно, папа общался со мной по телефону, но отвечал односложно; чувствовалось, что каждое слово дается ему с трудом. Лариса Христофоровна жестко контролировала и эту ниточку связи.

Вот и в эти выходные я предложила встретиться у нас. Предсказуемо папа смутился и виновато залепетал в трубку оправдания. Но договорить ему не дали. На заднем плане раздалась резкая, как щелчок хлыста, комментарии Ларисы:

— Нет, мы заняты в субботу. И в воскресенье тоже!

Из трубки сквозило арктическим холодом. Я вздохнула, нажала отбой и пошла к Диме отогреться. Прижалась к его плечу, пересказывая короткий диалог.

— Юлечка, ну не горюй, — Дима крепче обнял меня. — Ты же знаешь ее натуру. Отправь ей роскошный букет, без всякого повода. Лариса такие жесты ценит. Пусть это будет нашим дипломатическим приветом — и волки сыты, и папе спокойнее.

Я не оставляла надежды сделать папу с Ларисой полноценной частью нашего клана, но постепенно принимала горький факт: мне придется играть по правилам его жены. Она сознательно свела наше общение к минимуму.

С Маргаритой Вениаминовной, моей второй свекровью, ситуация тоже складывалась странно. Пока мы с Димой не были женаты, встречи с ней проходили подчеркнуто любезно.

Став официально супругой ее сына, я планировала укрепить нашу связь. Мне хотелось достичь такой же искренней близости, какая установилась у нас с первой свекровью. Анна Ефимовна полюбила меня как родную дочку. И это при том, что шестнадцать лет назад я вошла в ее дом сиротой и бесприданницей. Голой и босой, если называть вещи своими именами.

Выходя замуж во второй раз, я не была нищей, напротив, считалась «богатой невестой». Главное, делить нам с Маргаритой Вениаминовной было нечего: мы с Димой жили отдельно, на моей территории.

Мне было важно не числиться невесткой формально, а обрести в ней родного человека. Моей мамы не стало, когда мне было семнадцать. Казалось, сама судьба пыталась заполнить зияющую пустоту, посылая мне и мачеху, и первую свекровь, а теперь и вторую. С каждой из них я старалась делиться теплом, а не только принимать его.

Но, несмотря на двухлетнее знакомство с Маргаритой Вениаминовной, мы не стали ближе. Хотя я знала, что нравлюсь ей, — она постоянно твердила Диме, что его жена — идеал.

Тем удивительнее, что сразу после нашей свадьбы произошел инцидент, который ввел меня в ступор.

Маргарита Вениаминовна позвонила Диме и позвала его заскочить к ней «вечерком». Напрашиваться я не стала: во-первых, мне приглашение не поступало, а во-вторых — мало ли какие у них могут быть дела.

Но наивный Дима, вернувшись домой, радостно сообщил: мама позвала Лешу и Виолетту, и они чудесно посидели.

Меня накрыло. Стало так горько, что я не сразу осознала причину такой реакции. Ведь совершенно не ревновала мужа к бывшей супруге — их брак распался более десяти лет назад, и в Диминьих чувствах я не сомневалась ни секунды. Однако начала подвывать по-детски. Дима всполошился:

— Что случилось? Любимая, почему ты плачешь?

— А я-я... А почему она меня не... — всхлипывала, не в состоянии четко сформулировать причину столь бурной реакции.

— Да что ты, дорогая! — муж обнял меня, искренне не понимая проблемы. — Мама настаивала, чтобы Леша пришел к ней с обоими родителями. Она мечтает, чтобы мы почаще так встречались вчетвером: бабушка, внук, мама и папа!

Дима хотел меня успокоить, но его логичное объяснение лишь усилило мою реакцию. Я захлебнулась, будто он ударил меня. До этого момента во мне зрела глухая обида, источник которой оставался неясным, но теперь все встало на свои места.

Идеальное семейство: папа, мама и сын в гостях у бабушки. Как умирительно! Одна я — законная жена Димы — в эту пастораль не вписалась.

Что это означало? Ответ очевиден: я вне Семьи. Вне клана. Я — пустое место. В этот момент меня раздавило чувство одиночества и собственной ненужности.

Рыдания стали такими бурными, что мне начало не хватать воздуха. Дима окончательно растерялся: то метался по комнате, то прижимал меня к себе, не понимая причин происходящего. Я оттолкнула его и скрылась в ванной. Там долго смывала водой, перемешанной со слезами, эту новую глубокую травму в своей душе.

Когда с красным опухшим лицом наконец появилась перед мужем, он попытался выяснить, что же вызвало столь бурную реакцию. Но я сухо пресекла все расспросы:

— Дима, в этой милой компании либо не хватает одного человека — меня, либо один человек там лишний — Виолетта. И Маргарита Вениаминовна как взрослая и мудрая женщина не могла этого не осознавать. Мне по-настоящему больно.

— Юлечка, ты все не так поняла! Никто не собирался тебя обижать!

— Да, Димочка. Когда мне причиняют боль, а после заявляют: «ты все не так поняла», для меня это верный знак. Меня пнули, как собаку. И поняла я все правильно. Неясно одно: намеренно это сделано или по глупости. Но повторю: если хоть раз состоится «вечерок» в таком составе, ближе к ночи можешь смело переезжать к Виолетте.

И про себя горько подумала: «А может быть... это и есть тайная мечта Маргариты Вениаминовны?»

Дима поклялся:

— Больше никогда.

Я вяло кивнула, завернулась в плед и налила себе коньяка. Устроилась в кресле с котом на коленях и прикрыла глаза. Но тут меня пронзила мысль:

Муж мечтает о ребенке. А я отказываюсь. Выходит, я — неполноценная жена. Бабушка наверняка хочет внуков. Получается, я — неполноценная невестка. И все мое стремление создать большой клан выглядит нелепо без нашего общего малыша.

Моя сила, независимость и финансовый успех — на деле лишь фасад, скрывающий мою ущербность. Пока не рожу, останусь нулем в глазах свекрови, невзирая на любые достижения и победы.

Осознавать это было мучительно. Опять потекли слезы, но я лишь глубже уткнулась в подушку и не заметила, как провалилась в тяжелый сон.

Утром обнаружила себя в нашей кровати. Дима похрапывал рядом, крепко прижавшись ко мне и обвив руками.

Я тихонько высвободилась, налила в любимую чашку ароматного кофе и выскользнула на балкон. За ночь спутанные мысли чудесным образом упорядочились. Все стало предельно ясно: не нужно метаться, необходимо следовать стратегии, которую мы выработали с Линой. Два года ударно вкалывать, купить квартиру побольше, создать финансовую подушку безопасности — а потом рожать. Тогда все будет правильно, надежно и со всех сторон защищено. Я люблю Диму, Дима любит меня, а значит — все сбудется! Заулыбалась своим мыслям и нырнула под теплое одеяло к мужу.

Западная компания и восточный директор. Июнь 2002.

Не взяв ни дня передышки после увольнения, я вышла на позицию бренд-менеджера в транснациональную корпорацию с головным офисом в Лондоне. Сферой моей ответственности стала зубная паста «Акваклин». В личном портфолио выстроилась цепочка: детское питание, шоколад, зубная паста. В этой последовательности забавно прослеживался жизненный цикл человека. Сначала продукт предназначался младенцам. Позже аудитория выросла и портила зубы сладостями. Теперь моей задачей стало спасение покупателей от кариеса.

Офис немного напоминал кабинет стоматолога, увешанный плакатами с изображениями тюбиков пасты, щеток и безупречных рекламных улыбок.

Впрочем, улыбки моей будущей начальницы Натальи и менеджера по кадрам Анны выглядели вполне искренними. Я научилась доверять своему шестому чувству. Ориентировалась не на пол руководителя, а на интуицию, которая в унисон с логикой подсказывала: мы с Натальей поладим. Она показалась мне умной, уравновешенной и такой же интеллигентной, как Анна.

Первое же интервью я покидала с твердым убеждением: меня возьмут. И не ошиблась. На следующем этапе меня представили коллегам из маркетинга — ребята тоже прижились мне по душе. Сработаемся, — решила про себя.

Единственной ключевой фигурой, с кем не удалось познакомиться лично, оставался генеральный директор — он был в отпуске. Звали его Темур. Как мне шепнули, он безупречно говорил по-русски. Наш лидер родился в СССР, в одной из кавказских республик, мальчиком был вывезен в США и позже блестяще окончил Гарвард.

Хотя Наталья и Анна получили у него заочное одобрение моей кандидатуры, в их голосах то и дело проскальзывала необъяснимая тревога.

— Конечно, Юля, вам бы стоило лично поговорить с нашим руководителем, — в очередной раз заметила Наталья.

— Жаль, что вы не познакомились с Темуром до оформления документов, — эхом отозвалась Анна.

Моя сдержанная улыбка служила им ответом. Не придавая значения их опасениям, меньше всего я хотела ждать две недели до его возвращения, чтобы соблюсти вежливые формальности. Мне было из чего выбирать среди прочих заманчивых предложений, и «борцы с кариесом» это прекрасно понимали. Упускать меня они не планировали, а я не собиралась терять ни дня — время на пути к намеченной цели было жестко лимитировано.

Что за глупости, думала я, ведь топ-менеджер находился от меня так же далеко, как Солнце от Земли: моя позиция не предполагала прямого подчинения. Видеть его предстояло лишь на отчетных презентациях пару раз в год да на корпоративах. Иностранец, мужчина — значит, априори вежлив и корректен; этот сценарий был хорошо знаком по опыту работы и с детским питанием, и в кондитерском холдинге.

Легкомысленно пренебрегши советом бывалых познакомиться с генеральным, я уверенно подписала контракт. Устоять было невозможно: предлагаемая зарплата значительно превышала мою шоколадную, а в придачу по статусу полагался служебный Фольксваген. Конечно, у меня была своя малышка Рено Клио, но корпоративный автомобиль в полном распоряжении — это казалось запредельно крутым уровнем.

Первое рабочее утро ушло на бюрократию. Закончив с оформлением, Анна повела меня знакомиться с коллегами. Мою симпатию вызвали сейлзы — шумные, веселые ребята. Правда, их директор Олег произвел странное впечатление: он выглядел чересчур нервным и каким-то запуганным. Не лучшие качества для главы отдела продаж, — отметила я про себя. На

этой позиции нужно иметь пуленепробиваемое спокойствие и драйв. Ну да ладно, не мне его переучивать.

Затем Анна познакомила меня с дружелюбными девчонками из бухгалтерии.

Офис крохотный, люди приятные — кажется, повезло, — подытожила я, все более довольная сделанным выбором.

Наконец Анна передала меня Петру, отвечающему за автопарк.

— Ну, настал приятный момент, — улыбнулась она. — Машина и документы готовы. Желаю безопасного вождения!

Мы с Петром спустились в подземный паркинг. Там, среди бетонных колонн, я ожидала увидеть свой новенький Фольксваген. Меня переполняло радостное предвкушение: одно дело — личный автомобиль, и совершенно иное — глянцевого символ статуса, полностью переходящий в мое распоряжение.

И тут... меня ожидал неприятный сюрприз. Реальность разошлась с ожиданиями. Предназначенная мне иномарка выглядела изрядно потасканной, хотя по документам ей едва исполнилось три года. Едва я распахнула дверцу, как меня обдал тяжелый смрад. Салон был безнадёжно прокурен. Мой чуткий нос категорически протестовал против подобного «статуса».

Петр не обращал на мое замешательство ни малейшего внимания, бегло перечисляя назначение кнопок. Я была знакома со стандартным функционалом и перебила его:

— Подожди, не поняла... а где кондиционер?

Петр выдал язвительный смешок:

— Ха! Чего захотела! В комплектации машин для сейлзов и маркетинга такая роскошь не предусмотрена!

Я уставилась на него в изумлении. Несмотря на начало лета, в городе несколько дней стояла удушающая жара. Вообразить себе ежедневное передвижение без элементарного комфорта было невозможно. В пробках моя одежда моментально взмокнет, а элегантные костюмы превратятся в мокрые мятые тряпки. И как прикажете — являться в офис потной? Или колесить по загазованным дорогам с открытыми окнами?

— Нет, брать ее не стану, — произнесла я, не прикасаясь к протянутому Петром ключу.

— Ты что? Лучшая марка машины — служебная! — Петр был поражен моим отказом. — Бензин полностью за счет фирмы, на выходные она в твоём распоряжении, хоть в отпуск кати!

— Нет. Ездить в этой вонючей помойке, тем более без кондиционера, не желаю. У меня новый и чистый Рено, в нем гораздо комфортнее.

Твердость в моем голосе исключала любые дискуссии. Петр сердито бурчал, но его мнение не имело значения.

Когда мы поднялись в офис, у Натальи и Анны тоже глаза на лоб полезли от подобного демарша. Но моя позиция осталась неизменной. Единственное, о чем я их попросила, — предоставить место для личного автомобиля на корпоративной парковке.

— Мы должны согласовать это с Темуром, когда он вернется, — вздохнули дамы.

Махнув рукой на организационные неурядицы, я погрузилась в изучение новой сферы. Как ни странно, у шоколада и зубной пасты обнаружилось гораздо больше маркетинговых пересечений, чем у детского питания. Совпадали прежде всего целевые группы и ключевые рекламные инструменты. Детское питание на их фоне выглядело автономным миром со своими специфическими методами продвижения.

И хотя категория гигиены полости рта выглядела логичной и не слишком сложной, требовалось в кратчайшие сроки вникнуть в детали. Прослыть профаном не входило в мои планы — я стремилась полностью освоиться до возвращения генерального из отпуска.

Рабочий ритм был таким плотным, что пара недель пролетела незаметно.

В один из дней, сразу после обеда, по офисному затишью пронеслась легкая рябь. До этого в помещении теплилась обычная жизнь: разговоры, негромкий смех. А тут наступила

зловещая тишина, прерываемая лишь короткими приветствиями, в которых не чувствовалось искренности.

Я оторвалась от монитора и сосредоточилась на происходящем. В открытом пространстве офиса коллеги замерли, словно по сигналу тревоги. По проходу двигался высокий черноволосый мужчина с густыми усами.

Он был по-восточному красив, но его облик мне почему-то не понравился. Что не так? Чрезмерно крупный нос? Низкий лоб? Нет, взгляд. Цепкий, тяжелый, пронизательный. Хитрый прищур. Из глубины живота прожгло неприятное предчувствие: этот человек способен быть и жестоким, и подлым. Несмотря на относительную молодость и стройность, он мгновенно вызвал ассоциацию со страшным и пугатым Карабасом-Барабасом.

В детстве мне легко удавалось определять, хороший человек или плохой, с первого взгляда. Возможно, нечто подобное умеют делать животные.

До сих пор в памяти хранится первое впечатление от воспитательницы, ласково встретившей испуганную девочку, вцепившуюся в мамину руку на пороге детского сада. Детский вывод «тетя добрая» оказался абсолютно точным. И таким же мгновенным было «злая» в адрес другой воспитательницы, появившейся во вторую смену.

Позже эту способность вытеснили и затерли навязанные установки: «тут нет ничего обидного», «все так делают» и наиболее ядовитое — «хорошие девочки так себя не ведут». На долгие годы мой дар был утрачен, доверие к внутреннему голосу подорвано.

Предчувствие меня не подвело. Как выяснилось позже, Темур обладал острым умом и поразительной злопамятностью. Главной его особенностью было коварство: он ничего не прощал и умел выжидать подходящего момента, чтобы нанести точный, сокрушительный удар.

График он вел ночной и возникал в офисе под вечер. Для его прямых подчиненных, приходивших к девяти утра, такой ритм означал лишь одно — работа затягивалась допоздна. К счастью, меня эта участь миновала. Как я и предвидела, с ним контактировала Наталья, а его методы я изучала лишь со стороны.

Темур упивался публичными разносами. Люди, прошедшие через подобное унижение, либо ломались, становясь льстецами, либо увольнялись.

Темур, возглавивший компанию всего год назад, успел «зачистить» добрую ее половину. Он наслаждался трепетом своих сотрудников, планомерно избавляясь от несогласных и заменяя их покорными. Процесс шел исподволь. В штатном расписании подолгу зияли дыры, а кадровая чехарда стала беспрецедентной.

Более тесное знакомство с коллегами открыло неприятную правду: моя позиция обосновалась не раз. Сразу после появления Темура был выдавлен интеллектualan, имеющий свое мнение. Следующего преемника «съели» всего за шесть недель. Найти же нового кандидата, готового прогнуться под рабские условия, не удавалось несколько месяцев.

На рынке труда прошел слух: в эту компанию лучше не соваться. Многие профи, пройдя собеседование с Темуром и собрав информацию, отклоняли заманчивые офферы. Но я, далекая от сплетен, беспечно клюнула на жирного червячка солидной зарплаты и статусного авто. Вот почему Анна и Наталья так спешили. Обе понимали: нужно срочно подписывать контракт, пока не произошло мое столкновение с Темуром.

И оно, конечно же, произошло.

Тамара Степановна. Июнь 2002.

В тихом офисе черти водятся. Не сразу мне открылось существование своего рода тайной полиции. Руководила ею Тамара Степановна — пожилая и бесформенная, но отчаянно молодящаяся особа, сумевшая каким-то чудом втереться в доверие к Темуру. Грубая, краснолицая, лишенная такта, она удивительно менялась при виде генерального: ее резкий луженый голос тут же делался тонким и елейным.

Для подобных карьерных траекторий существует фраза «исторически сложилось». Помогала ли Тамара Степановна Темуру в его первые московские дни или была рекомендована за былые заслуги — загадка. Четких функций она не имела. Они были весьма специфическими и едва ли вписывались в рамки должности офис-менеджера, хотя Тамара Степановна и распоряджалась скрепками и степлерами.

Канцтовары служили ширмой для ее основной деятельности: сбора сплетен и доносов. Тамара Степановна досконально проверяла счета и договоры — без ее одобрения нести бумаги на подпись генеральному не имело смысла. Она анализировала данные, фиксируя выводы в блокноте, с которым не расставалась ни на минуту.

Сперва я полагала, что коллеги заглядывают к ней исключительно за ручками, но вскоре и мне поступило приглашение зайти «попить чайку». Раньше у меня получалось стремительно пронестись мимо ее кабинета: никаких точек соприкосновения у нас не было.

— Ты всем довольна? Как тебе у нас? — утопая в царственном кресле, больше напомиравшем трон, спросила Тамара Степановна.

Подобные вопросы ожидаешь услышать скорее от руководителя отдела кадров. Я удивилась, но выкрутилась, прикрывшись формальным:

— Все хорошо.

— Не обижает тебя никто?

— Нет.

Недоумение зашкаливало, но следующие вопросы загнали меня в тупик:

— А что не заходишь?

— Куда?

— Ко мне, поболтать.

Я молчала, не зная, как реагировать. Тамара Степановна решила сменить тему:

— А почему от служебного автомобиля отказалась?

Это было легче.

— Мой личный Рено новый, чистый, а там — помойка. И куревом воняет. Сейчас жара такая стоит, у меня кондиционер есть, а там нет. На своем мне лучше, — затараторила я.

Тамара Степановна не сводила с меня холодных глаз. Под ее тяжелым взглядом я почувствовала себя беззащитной. Последовал странный вопрос:

— А какого цвета твое Рено?

— Голубого, - я совсем растерялась.

Пауза затянулась.

— Ладно, — наконец промолвила она, — а если новую машину, с кондиционером, тебе куплю, будешь ездить?

От абсурдности ситуации я не нашла что сказать, лишь кротко кивнула:

— Конечно.

Тамара Степановна расправила могучую грудь, туго обтянутую джемпером со сверкающими стразами, и томно произнесла:

— Понимаешь, мне нравится, когда наша компания вместе выезжает, например, на пикник, чтобы все были в едином стиле. Корпоративная марка — Фольксваген, разные модели, конечно, но я выбираю всем одинаковый цвет, серебристый. И будет правильно, если твоя машина не станет выделяться.

Лимит удивления в кабинете этой странной дивы был исчерпан. Я стояла и думала - кто она вообще такая, эта офис-менеджер с замашками серого кардинала?

Хотя чая выпить не довелось, Тамара Степановна сочла аудиенцию оконченной. Выпроставив меня, обронила небрежно:

— Ну, заходи на следующей неделе.

Не прошло и двух дней, как у моего стола появился Петр и буркнул:

— Хорошо ты всех тут прогнула. Купили тебе новую машину, иди получай. Я остолбенела, а коллеги переглянулись.

На паркинге перед нами предстал прекрасный Фольксваген, цветом напоминающий крыло самолета. Сверкающие стекла были слегка затонированы, отсекая лишние взгляды, а диски сияли хромом. Петр кликнул ключом: ярко вспыхнули ксеноновые фары, раскрылись ушки-зеркала. У меня захватило дух от подобного шоу.

Осталось сесть за руль, вернее — пасть в объятия комфортного кресла. После нажатия кнопки сиденье, натянутое в пленку, плавно сдвинулось, подстраиваясь под водителя. Другая кнопка адаптировала наклон спинки.

Пока я наслаждалась материализованными атрибутами статуса, Петр монотонно вещал: коробка-автомат, комплектация «полный фарш», зимний пакет, подогрев руля и прочие милые опции. Но главным было другое — внутри изумительно пахло новой кожей и чем-то невыразимо приятным. Успехом, не иначе. Этот аромат мгновенно поднимал настроение.

Сразу, в порыве восторга, набрала мужа:

— Дима, можем продавать Реношку! А была бы она не голубая, а серебристая, возможно, и не купили бы мне новый Фольксваген! Ха-ха, чтобы не выделялась на пикниках, — заливаясь смехом, щебетала я в трубку.

Сказано — сделано. На объявление о годовалой иномарке в идеальном состоянии обрушился шквал звонков. Покупатели нашлись при первом же просмотре.

У нас появились деньги, в которых остро нуждались: мы с Димой ввязались в очередную авантюру.

Не надо со мной на ночь говорить о недвижимости. Июнь 2002.

Идея купить квартиру побольше возникала у Димы не первый раз. Он намекал на скорое прибавление в семье, но в мои ближайшие планы ребенок не входил. Если честно, то и в отдаленных его появление не было предрешиено: оно зависело от слишком многих обстоятельств. Нам троим вполне хватало места, поэтому я «не понимала» его тонких намеков.

Практически вся моя сознательная жизнь была посвящена квартирному вопросу, ставшего фундаментом моей безопасности. Я не родилась москвичкой: у меня не было никого, кто завещал бы квадратные метры или хотя бы прописал. Слишком долго и безнадежно, скитаясь по чужим углам, я носила статус «бомжа» — лица без определенного места жительства.

Обретение собственной крыши над головой являлось для меня не вопросом престижа, а задачей выживания. За четырнадцать лет, с трудом зарабатывая и легко теряя, я все же сумела собрать средства на первое пристанище в Мытищах, но разочарование в нем пришло сразу. Отказывая себе во всем, накопила на переезд в столицу. Отдавая последнее, сделала капитальный ремонт. Эти стены стали мне по-настоящему родными.

Едва «покорив» Москву, я опять погрузилась в жилищные махинации. Быстро провернула обмен подмосковных квадратных метров и стала владелицей небольшой двушки по соседству. Сначала был печальный опыт аренды «по знакомству», а следом — удачный, «сын ошибок трудных», когда мы нашли жильцов сами. Я так увязла в этой череде перетасовок имущества, что она явно пошатнула мою психику. А история со сдачей жилья «своим людям» нанесла ощутимый вред и здоровью.

Однако Дима прав: беготня на последний этаж действительно меня напрягала. Конечно, все были молоды, к тому же мы с Кирюшей прошли отличную подготовку подъемами на восьмом этаже в Мытищах, где лифт отключали постоянно. Но все же это было неудобно — особенно когда приходилось по нескольку раз «брать высоту» с тяжелыми пакетами из супермаркета.

Дима никогда не ныл, но, то ли в шутку, то ли всерьез, утверждал: как архитектор он видит в градостроительной перспективе Москвы массу возможностей для нашей семьи. Наша пятиэтажка, по его мнению, давно устарела морально, и при наличии средств пора бы рассмотреть что-то посовременнее. Он не интересовался спальными районами, а кропотливо анализировал объекты точечной застройки. Муж уверял: медлить нельзя, пока цены остаются приемлемыми.

Впервые Дима завел этот разговор в апреле, когда мне выдали крупную премию в Холдинге. Но ее хватало только на первый взнос по ипотеке, а все нутро мое протестовало против долгов. Кредиты были мне ненавистны.

В следующий раз он заикнулся об этом через месяц, после следующей солидной выплаты при увольнении. Я начала злиться. Как можно рассуждать о покупке жилья, когда работа недавно сменилась? Да, зарплата стала выше, но испытательный срок не пройден!

Однако, когда мне выдали новенький Фольксваген и мы продали Рено, Дима вернулся к этой теме. Мы сидели на кухне, расслабленные, с бутылочкой французского вина — «обмывали» статусные привилегии, смеялись и целовались. И тут муж сообщил, что провел свежий анализ: есть несколько интересных объектов в исторических районах Москвы, которые стоит обсудить. Я моментально напряглась. Квартирный вопрос являлся для меня сакральным.

Мой ответ прозвучал резко и зло:

— Не надо со мной на ночь говорить о недвижимости!

Неожиданно Дима расхохотался. Он смеялся так долго, утирая слезы, что я не выдержала и тоже начала улыбаться.

— Ну что смешного, объясни мне? — приставала к нему, не понимая, что вызвало такой взрыв веселья.

Но Дима продолжал задыхаться от смеха.

— Не надо... со мной... на ночь... говорить... о недовимости, — стонал он, — как ... о нечистой силе!

Я тоже наконец засмеялась. Мы хохотали, глядя друг на друга, и мое сопротивление таяло.

Для окончательного решения мне потребовалась встреча с Линой. Я пожаловалась ей:

— Дима предлагает вложиться в новостройку, но я устала от рисков и вечных ремонтов. Мне нравится здесь, не хочу ничего менять.

Однако Лина поддержала Диму и согласилась, что медлить не стоит:

— У вас, конечно, стильно и уютно, но подумай о будущем. Ты ведь когда-то станешь пожилой — и что, собираешься скакать вверх-вниз с сумками? Дима прав, цены ползут вверх. Что ты, как Кашей, чахнешь над рублями? Лучше конвертируй их в современное жилье. Деньги не должны лежать на счету, они должны работать.

Лина недавно говорила мне, что они с Семеном инвестировали по договору долевого участия в просторное жилье в перспективном проекте.

— Уверена, после сдачи цены там взлетят вдвое, а то и втрое. Было бы идеально, если бы вы поселились по соседству. Там есть варианты, вы вполне успеете.

Подруга ничего от меня не скрывала, и я знала стоимость этой роскоши. Понимала и то, что подобный люкс мы с Димой не потянем на этапе котлована. Но вслух произнесла другое:

— Лина, мне жалко покидать наше гнездышко. Оно слишком тяжело мне досталось.

У подруги, как обычно, нашлось свое мнение — резкое и отрезвляющее: — Юля, ну что ты нюни распустила? Я тебя не узнаю. Включи голову! Смени оптику и отбрось сантименты. Называй вещи своими именами: либо это «милое гнездышко», либо «обременительный пассив» в будущем. Нужно уметь грамотно управлять активами. Ты же профи! Изучи тенденции: посмотри, какими темпами растет сегмент бизнес-класса, там потенциал куда выше. Не цепляйся за прошлое, создавай будущее!

Я задумалась. Почему я так закоsnела? Ведь можно, не лишая себя текущего комфорта, приложить усилия и покорить очередную высоту. И Дима, и Лина правы: время расслабляться и прятаться в «норке» не настало. Сейчас пора действовать!

О дружбе и доверии. Июнь 2002.

Угроза «ожидаемого роста цен» зацепила меня гораздо больше, чем разговоры об «ожидаемом росте нашей семьи». Приняв решение, я немедленно «вспахала» аналитику рынка недвижимости. И содрогнулась от собственного бездействия. Чего сидела, когда за прошлый год в массовом жилье случился резкий скачок? При этом сегмент бизнес-класса оставался недооцененным, сохраняя ресурс для взлета. И Дима, и Лина правы: медлить нельзя.

Нужно было прикинуть, какую площадь мы в состоянии себе позволить. Посчитала и пала духом: средняя стоимость метра была такой высокой, что сбережений не хватало, а влезать в долги по-прежнему не хотелось. Я отправилась к мужу поплакаться:

— Вот, уговорил меня, я загорелась, а без кредитов не потянуть. Меня воротит от слова «ипотека». Неужели придется надевать на себя эти кандалы?

Дима обнял меня и засмеялся. Не успела я надуться, как он напомнил о резерве, который совершенно вылетел у меня из головы: два года назад мы приобрели акции «Кукоса» всего по сорок рублей за штуку на внушительную сумму. Тогда я не вникала в тонкости. Но Дима внимательно следил за тенденциями фондового рынка.

Этой весной, чтобы оплатить свадебные кольца, Дима продал малую часть акций и вскользь упомянул, что котировки превысили триста рублей. Но и тогда я восприняла это беспечно — понятия не имела, сколько у нас этих бумаг. Поэтому сейчас, когда он сообщил, что наш капитал вырос в восемь раз, новость стала для меня полной неожиданностью. Я потрясенно смотрела на мужа:

— Ничего себе... Вот это да! Так и работать не надо, если так вкладываться. Ты не шутишь?

Дима, улыбаясь, лишь обнял меня крепче. Но мне было не до нежностей. Вырвавшись, я схватила ручку и листок бумаги: выписала в столбик и суммировала стоимость всех наших активов. Результат впечатлял! Вполне хватало на квартиру бизнес-класса без всякой ипотеки. Правда, не на готовую, а в строящемся доме. Но и это казалось настоящим чудом.

Я «била копытом» и настаивала на просмотрах. В ближайшие выходные мы объехали все намеченные объекты.

Верхнюю строчку в списке — наиболее заманчивую и дорогую — занимал помпезный небоскреб на Соколе, выдержанный в стиле сталинских высоток. Район выглядел уютным и исторически статусным: подлинное пристанище творческой и научной интеллигенции. Близость метро, обилие парков и настроение этих улиц меня совершенно покорили.

Для Димы этот вариант обладал особой ценностью. Здесь, в двух шагах, располагался дом его бабушки-академика. Сейчас там жили Леша и его мама Виолетта, первая жена Димы. Леша и без того часто бывал у нас, но поселись мы поблизости — он заглядывал бы к нам ежедневно.

Мы записались на просмотр. На временном лифте поднялись наверх и, минуя опасные провалы будущих стояков, изучили доступные лоты. Почти все было раскуплено. Среди остатков преобладали чрезмерно масштабные варианты, удачных планировок не встречалось.

Однако единственная квартира, которая нам приглянулась, была около ста тридцати квадратных метров и подходила как по размеру, так и по расположению. Она находилась не в центральной башне, а в боковом, менее населенном крыле; ее окна выходили на парк. Этаж удобный — двенадцатый — если что, можно и пешком спуститься.

В итоге нам подошло все. Кроме цены. Она была неподъемной. Даже если сложить все наши премии, выплаты, подорожавшие активы и выручку от машины и добавить к ним стоимость двушки на Алексеевской, не хватало примерно трети.

Ну вот. Я так и знала. Нам не по зубам такая роскошь. Дима заметил, что я пала духом, крепко обнял и повез изучать остальные предложения. На них хватало, причем на большую площадь. Но все было не то. Мы оба влюбились в первую. Она занозой сидела в наших сердцах, но, к сожалению, была не по карману.

Летний вечер располагал к меланхолии. Дима вытащил на балкон складные кресла и маленький столик. Мы сидели в тишине, пили вино и предавались грусти. Каждый думал об одном и том же. В высотке на Соколе таилось слишком много совпадений, притягательных для нас обоих. В этом районе прошло раннее детство Димы. Рядом жил его старший сын. А мне это место просто запало в душу.

Но была и еще одна весомая причина.

Зазвонил телефон. На экране высветилось: «Лина-Малина».

— Привет! Ну что, посмотрели?

Лина и была той причиной. Моя ближайшая подруга выступала лицом крайне заинтересованным: Малины купили квартиру в этой высотке.

Лина была натурой исключительной. Блондинка с нежным лицом и ясными синими глазами, она выглядела воплощением женственности. Однако за обманчиво мягкой внешностью скрывался истинно «нордический» характер: острый ум и стратегическое мышление, переплетенные со стальной твердостью. Ее карьера развивалась куда стремительнее моей: едва завершив обучение МБА, Лина заняла пост генерального директора в небольшой западной компании. Мужской коллектив, поначалу настроенный скептически, безоговорочно признал ее лидерство, стоило ей увеличить доходы бизнеса вдвое.

Текущая должность Лины обеспечивала ей внушительный компенсационный пакет: солидные годовые премии и представительский автомобиль с персональным водителем. При этом ее муж Семен оставался рядовым торговым представителем. Он передвигался на скромной служебной малолитражке, украшенной логотипом компании.

Когда Лина поступила на МБА, я спросила, не хочет ли Семен к ней присоединиться. Лицо ее сразу закрылось, а линия подбородка стала жестче.

— Семен устает на работе.

— А ты не усташь? Ты ведь тоже и учишься, и работаешь. И получаешь, честно говоря, в десятки раз больше него.

Лина вздохнула:

— Он не хочет ничего менять. Его все устраивает. Она немного помолчала и добавила: — Но, знаешь, может быть, это и неплохо. Сейчас нигде нет стабильности, а Семен такой... постоянный. На него можно положиться. Мы не просто женаты, мы венчаны. Он меня любит. И никогда не бросит.

Я вспыхнула:

— Лина! Да ты же клад, чего ж тебя бросать! И умница, и красавица, и золотодобытчица!

Но Лина замкнулась. Тогда мне хотелось задать ей вопрос, который давно меня мучил, но я не решилась: собираются ли они заводить детей? Согласно плану, которым Малины поделились со мной в 1997-м, расширение их семьи намечалось сразу после покупки квартиры в Москве. Семен и имена придумал: Варвара и Аркадий.

И вот минуло пять лет, у Малиных было уже две квартиры, пусть одна пока строилась, но о беременности речь пока не заходила.

Лина недавно призналась:

— Какие дети, мне всего тридцать три. Если сейчас выпадет из обоймы — буду никому не нужна. Семен не потянет меня в декрете. Он мне сказал: «Давай подождем, накопим подушку безопасности, создадим пассивный доход, и уж тогда заведем сразу и Варвару, и Аркадия».

Лина продумывала каждый шаг, и все, что она намечала, с блеском воплощалось в жизнь. Я невольно замечталась: как было бы чудесно через пару лет одновременно с Малиными обжа-

вестись младенцами! Чтобы наши малыши росли вместе и дружили так же крепко, как мы. А если при этом мы станем жить в одном доме...

Лина, не привыкшая ждать милостей от природы, возложила на себя миссию по реализации плана под кодовым названием «Соседи». С ее подачи — а вернее, после основательной взбучки — высотка на Соколе пополнила список наших просмотров. До этого момента я сознательно игнорировала пафосный объект, поскольку считала, что он нам не по карману, о чем и сообщила подруге. Но Лина была категорична:

— Ты дура. Глупо заранее расписываться в собственном бессилии, не проанализировав данные.

«И ведь правда, дура», — мысленно согласилась я. Это трусливое «недосягаемо» в корне противоречило моему девизу «Всегда пытайся!». В итоге мы съездили, узнали цены...

Но, к сожалению, перед нами открылась суровая реальность: мы попытались и облезли.

В телефоне звучал бодрый голос Лины. Она не тратила время на светские беседы:

— Ну как? Понравилось что-нибудь?

— Да... но все плохо, — выдохнула я. — Вернее, наоборот, квартира — мечта, но прикинули и приуныли. Дорого, Лин. Не потянем, я же тебе говорила...

Но Лина была не из тех, кого можно сбить с курса. Она бесцеремонно перебила:

— Да что ты там сопли на кулак наматываешь! Сколько конкретно не хватает?

— Много. Тридцать процентов.

— Да... разница солидная, — в ее голосе впервые послышалась задумчивость, но лишь на секунду. — А что, если продать вашу двушку на Алексеевской?

— Уже ее добавили, — уныло отозвалась я. — Все равно пропасть.

Лина немного помолчала.

— Вы дома?

— Да.

— Сейчас заеду.

Через полчаса она была у нас. Вид у подруги был суровый.

— Мне надо поговорить с тобой наедине, — выпалила она.

Мы вышли на кухню. Дима попытался разрядить обстановку и пошутил:

— Надеюсь, вы там не подеретесь?

— Нет! — огрызнулась Лина и хлопнула дверью.

— Вот что, дорогая, — мрачно начала она, едва мы остались одни. — Я дам тебе в долг эту сумму. Без процентов, на год.

Видимо, мое лицо вытянулось, но Лина не дала мне вставить ни слова:

— Мы должны жить в одном доме. Точка.

Первый шок прошел, и я замямлила:

— Лина, это... это невероятно благородно... Но ты ведь знаешь мое отношение к долгам. Я ненавижу их так, что не смогу спать.

— Ты и правда полная дура, — повторила Лина. — Тебе кредит предлагают без процентов, а ты не берешь.

Она смягчилась, улыбнулась и добавила:

— Я же Лина-малина. Мне, кстати, нравилось, когда ты меня так называла. Видишь, какая для тебя малина предлагается?

— Линочка! Малиночка! — вскричала я. — Я благодарна безмерно, правда! Но боюсь брать. А если не смогу отдать вовремя?

— Идиотка! Посчитай сама! — Лина мгновенно растеряла всю нежность. — Вот твоя зарплата, умножаем на двенадцать. Какой результат?

Между нами не было секретов: Лина знала все наши доходы и владела точными цифрами — и моими, и Димиными. Ошарашенное молчание затянулось.

— Ну! Считать не умеешь? Что получилось? — сердито прикрикнула она.

— Получилось... — эхом выдохнула я. — Ровно сколько не хватает.

— Вы год проживете на Димину зарплату втроем?

— Проживем. Но, Лина, это же такие огромные деньги... Как же можно... Дать в долг без всякого залога...

Лина посмотрела на меня своим ледяным взглядом:

— Запомни. Я. Никому. Никогда. Не. Даю. В. Долг. Никому и никогда. Но тебе дам.

Потому что ты мне вернешь.

— А почему ты так хорошо обо мне думаешь? — я дрогнула под ее напором.

— Дура, — Лина выложила на кухонный стол увесистую пачку долларов. — Зови Диму. Будем считать деньги и писать расписку. Дима - святой человек. Июнь 2002

Дима - святой человек. Июнь 2002.

Назавтра Дима реализовал все наши акции, и мы разместили объявление о продаже квартиры на Алексеевской. Мосты были сожжены. Утром я связалась с застройщиком. Встречу согласовали на этот же вечер. У Димы на службе возник аврал, освободиться пораньше он не мог, однако мне не хотелось медлить. Решила ехать в одиночку. В конечном счете, до подписания бумаг и фактической оплаты оставался запас времени, а проводить переговоры я умела мастерски.

Мне предстояло обсудить короткую рассрочку на остаток суммы: мы рассчитывали выйти на сделку с двушкой в ближайшие недели. Кроме того, я твердо вознамерилась выбить скидку. Главный козырь был весомым — вся сумма вносилась наличными.

С рассрочкой проблем не возникло. Я убедительно расписала, что наша квартира на Алексеевской уйдет быстро. Мы зафиксировали оплату двумя частями и жестко прописали даты. А вот со скидкой дело не пошло. Причины были очевидны: свободных вариантов практически не осталось, и спрос на них стремительно рос.

— Уверяю вас, с первого июля плановое повышение цен. Так что о скидках не может быть и речи, — отчеканил менеджер.

Возразить было нечего. «Ну, на нет и суда нет», — подумала я, собираясь уходить, как вдруг заметила странное движение: он мне подмигнул. Или показалось? Может, у человека глаз дергается? Я посмотрела на него внимательнее. Нет, не ошиблась. Он явно подавал мне знаки.

— Позвольте, провожу вас, — предложил он и вывел меня из открытого пространства, подальше от любопытных ушей коллег.

Мы остановились у лифта. Менеджер воровато оглянулся и перешел на шепот:

— Могу предложить вам «золотой сертификат».

— А что это такое? — так же тихо спросила я.

— При торжественной закладке первого камня VIP-клиентам презентовали подарки в виде золотых слитков, — прошелестел менеджер. — Это и есть сертификаты. Каждый дает право на скидку в десять тысяч долларов.

— Вау! — я мгновенно сообразила, к чему он клонит. — И сколько стоит такой «слиток»? Бесплатных презентов я не ждала. Менеджер заговорщицки улыбнулся:

— Для вас — три тысячи. Но деньги нужны сегодня. Мы должны успеть зафиксировать в договоре, что часть суммы гасится сертификатом.

— Беру! — выкрикнула я, не давая ему передумать. — Сейчас позвоню мужу, он привезет деньги.

— Договорились. Жду вас, мы работаем до девяти.

Расплывшись в довольной улыбке, мой благодетель исчез за дверью. Какая удача! Сэкономить семь тысяч долларов на ровном месте — настоящая фантастика! Трясущимися от волнения пальцами я тыкала в телефон, едва попадая по кнопкам. Когда раздался голос Димы, не сдержалась и завопила:

— Дима! Бросай все! Мчись домой, бери из сейфа три тысячи — и пулей сюда! У нас есть шанс купить «из-под полы» золотой сертификат. Представляешь, он дает скидку в десять тысяч долларов! Но это можно проверить только сегодня. Поспеш, пожалуйста, они работают до девяти!

— Круто! — отозвался муж. — Мне и ехать никуда не надо. У меня как раз есть с собой три тысячи, в кармане.

Я на секунду лишилась дара речи.

— У тебя с собой? В кармане? Три тысячи?!

— Ну да. А что такого?

Тут до меня дошло: он имеет в виду рубли. Я уточнила на всякий случай:

— Дима... а три тысячи чего у тебя в кармане?

— Рублей, конечно. А что?

Я тяжело вздохнула.

— Дима, поезжай без промедления домой. Достань из сейфа три тысячи долларов. И максимально быстро тащи их сюда.

— А... — сказал Дима. — Сейчас.

Он успел. Мы выкупили сертификат и уменьшили итоговую сумму. Через пару дней внесли основной взнос. Остаток, равный стоимости нашей двушки, предстояло доплатить через два месяца.

В выходные пригласили Лину с Семеном отметить будущее соседство. Захлебываясь от смеха, я в красках расписывала, как мне подмигивал менеджер и как Дима всерьез поверил, что за три тысячи рублей нам дадут скидку в десять тысяч долларов.

Но Лина слушала не улыбаясь. Она дождалась паузы, внимательно посмотрела на моего мужа и изрекла:

— Дима — святой человек.

И в этой короткой фразе была вся суть моего мужа.

Темур и его команда. Июль 2002

Прошла половина моего испытательного срока, когда Темур пригласил меня на беседу. За несколько дней до этого он прислал электронное письмо, написанное на безукоризненном русском языке и такое вежливое, будто оно предназначалось английской королеве. Обороты вроде «будет ли мне удобно найти время» и «не сочту ли за честь», на мой взгляд, выглядели чересчур для обращения руководителя к подчиненной. Я напряглась. Мой принцип — чем проще, тем лучше. Безусловно, такие расшаркивания предпочтительнее Каткиных скабрёзностей, но в них сквозила какая-то фальшь. У меня возникло внутреннее сопротивление.

Официально в приглашении значилось, что директор хочет обсудить «видение перспектив развития бренда, учитывая мои колоссальные достижения и богатейший опыт». Но, как выяснилось чуть позже, Темур намеревался «прощупать» меня и понять, насколько легко получится согнуть в бараний рог. Ему требовались покорные исполнители. Самостоятельно думающие, а тем более принимающие решения сотрудники у него не задерживались.

За полтора месяца я не отрывалась от цифр, исследований и отчетов, параллельно обсуждая результаты с отделом сбыта. В итоге обнаружила несколько серьезных проблем бренда, возникновение которых удивительным образом совпало с воцарением в кабинете нашего Карабаса-Барабаса.

Узнаваемость некогда сильной марки резко упала, показатели покупательского спроса выглядели плачевно. Просела и взвешенная дистрибуция. При этом количественная оставалась неплохой. Если перевести с маркетингового на русский: «Акваклин» был неплохо представлен в магазинах, но не продавался, а лежал на полках мертвым грузом.

Однако весь масштабный рекламный бюджет распределялся противоположным образом, с деструктивным перекосом. Более девяноста процентов выделялось на поддержку дистрибуции, остаток — на исследования. На потребителя не направлялось ни копейки. Нужно было, не мешкая, исправить этот недочет, пока не была пройдена точка невозврата. Промедление грозило крахом.

Эта идея легла в основу презентации, которую я подготовила для встречи с директором. Разумеется, сначала доложила ее Наталье, моей непосредственной руководительнице. Наталья тяжело вздохнула.

— Ну, попробуй... Но будь готова к отказу.

— Почему?! — опешила я. — Смотри, тут же ничего объяснять не надо, цифры говорят сами за себя.

Но Наташа махнула рукой:

— Сама поймешь.

Ошарашенная, я вышла из кабинета. Наталья, будучи профессионалом и далеко не глупым человеком, не могла не видеть очевидного. Что мне следовало понять самостоятельно? Мысли роились в голове.

Решив не идти напролом, я договорилась о встрече с Олегом, сейлз-директором. Хотелось обкатать идеи на практике и попытаться выудить хоть какую-то информацию до аудитории у генерального.

Олега назначили на этот пост полгода назад, сразу после скандального увольнения предшественника, не согласного с новой политикой. На мой взгляд, этой должности он не соответствовал. Казался слабым, неуверенным и каким-то примороженным. Настоящая серость, лишенная драйва и лидерской харизмы.

Олег выслушал мои предложения вяло, без тени интереса.

— Что думаешь? Как тебе данные? Дистрибуция у вас отличная, а спроса нет. Смотри, как можно его взбодрить! — бурлила я.

Он лишь безучастно процедил:

— Темур все зарубит.

— Но почему?!

И опять в ответ:

— Сама поймешь.

После такой «артподготовки» мои мысли путались. Было очевидно: происходит нечто странное. Мы — коммерческая организация. Вся команда и генеральный в первую очередь должны быть кровно заинтересованы в росте прибыли. Тем более рекламный бюджет в наличии, и средства немалые. Требуется лишь грамотное перераспределение — без лишних рисков и сверхзадач, достаточно волевого решения руководства. В том, что доля рынка «Акваклина» сразу поползет вверх, сомнений не было.

К встрече с генеральным я готовилась, как к решающей битве. Продумала предельно элегантный образ. Не забыла и красивое белье — мое тайное оружие для уверенности в себе. Аудиенция была назначена на пять вечера. К этому времени мои силы слегка подвыдохлись, но пыл не угас. Точно в срок мы с Наташей и Олегом стояли у дверей кабинета. Секретарь пригласила войти.

Темур выглядел безупречно: белоснежная рубашка, великолепный костюм престижной марки и шлейф дорогого парфюма. Не было сомнений, что и на нем были новые трусы, а возможно, даже и новые носки.

Вежливо спросив разрешения, он раскурил трубку. Затем медленно провел мундштуком, разглаживая усы. «Ну настоящий Карабас-Барабас», — промелькнула у меня безрадостная мысль, и презентация началась. Темур слушал внимательно. Стоило мне дойти до предложений по спасению бренда, как он заметил:

— У нас есть эксклюзивный дистрибьютор. Весь рекламный бюджет распределяется совместно с ним. Мы ежемесячно перечисляем на их счет определенную сумму.

— Да, но в этом и кроется проблема! — я попыталась вклиниться, но Темур оборвал меня:

— И наш договор сроком на весь календарный год не подлежит расторжению.

На дворе стоял июль. Доля рынка падала двенадцать месяцев подряд. Стало тоскливо: до зимы «Акваклин» не доживет. Наталья и Олег молчали, как рыбы.

— А возможно что-то сделать? — с тоской спросила я.

— Конечно! — с энтузиазмом воскликнул Темур. — Завтра мы поедем на встречу с нашим дистрибьютором, познакомитесь и обсудите совместные акции.

Я с удивлением взглянула на него:

— Завтра? Сегодня пятница.

— Да, наши регулярные встречи с дистрибьютором проходят в субботу. В рабочие дни и руководство, и торговые представители экстремально загружены.

Я ошарашенно промолчала. За всю десятилетнюю карьеру мне ни разу не приходилось выходить на работу в субботу ради рядовых совещаний. Иногда в периоды авралов, когда требовалось срочно закончить отчет или доделать презентацию, мы трудились в выходные. Но любые встречи — и с партнерами, и с агентствами — всегда назначались исключительно на рабочее время.

Я вышла из кабинета совершенно обескураженная. Во-первых, у нас с Димой были свои планы. А во-вторых — и это стало главной причиной расстройства — я поняла: сделать ничего невозможно. Мои цифры и графики тут никого не интересовали. Умирающий бренд тоже вызывал у всех полнейшее равнодушие. Непонятной оставалась собственная роль в этом спектакле, где остальные прекрасно знали сценарий пьесы.

Впрочем, и до меня начало кое-что доходить. Стало ясно: меня наняли с единственной целью — чтобы послушно выполняла все указания тирана, не задавала лишних вопросов и безропотно принимала на себя удары за агонию бренда.

Но быть терпилой я не желала. Тут начальство просчиталось. В моем характере есть довольно скверная черта: когда меня заставляют делать то, с чем не согласна, поступаю ровно наоборот. Не считаю это достоинством — из-за подобного упрямства я часто попадала в неприятные ситуации. И в этот раз не ждала от своего сопротивления ничего хорошего. Народная мудрость здесь категорична: «Нельзя писать против ветра». Было бы гораздо легче подчиниться и смириться, продолжая получать внушительную зарплату. Такую долю выбрали для себя Наталья и Олег.

Но я не могла отступить. Закусила удила, вожжа попала мне под хвост — меня было не удержать.

Хрустальная башня. Июль 2002.

Друзей у Димы осталось немного. Когда-то их было гораздо больше, но жизнь постепенно всех развела. Кто-то остался в Германии, где он провел более десяти лет. Лучший друг уехал в Америку. Еще один трагически погиб. Были и отношения, которые со временем незаметно трансформировались: один из товарищей по архитектурному институту стал его начальником — и вместе с иерархией дружба сразу сошла на нет. Поэтому появление в нашей жизни его однокурсницы Анаит стало настоящим событием.

Произошло все совершенно случайно. Анаит разыскивала Диму, чтобы проконсультироваться по какому-то вопросу. Услышав ее голос, он обрадовался и тут же пригласил ее к нам в гости. Анаит пообещала заскочить этим же вечером.

Она позвонила снизу, из машины.

— Доставка приехала! — весело объявила она. — Спускайтесь помогать!

Анаит поразила меня своей щедростью. Она привезла бутылку дорогого коньяка, коллекционное вино, торт из престижной кондитерской, шоколадные конфеты, по килограмму клубники и черешни — и еще какие-то пакеты. Когда они с Димой, пыхтя, поднялись на наш пятый этаж со всеми этими сумками, я ахнула.

Мы с Анаит поразительным образом совпали: и по легкости характера, и по смешливости, и по какой-то пулеметной скорости речи. Правда, в тот вечер в основном говорила она. Причем рассказывала о моем собственном муже вещи, о которых я не подозревала. Например, я впервые услышала, что Дима когда-то спроектировал в Париже торжественный зал заседаний совета директоров для известного дома моды. Потом выяснилось, что в студенческие годы он выиграл первую премию на международном конкурсе в Японии. Меня поразили еще один факт. Три Димины работы приобрел Русский музей — и они находятся в государственном собрании Петербурга, в разделе архитектурной графики.

Я была совершенно потрясена.

— Дима! — обратилась я к мужу. — Почему ты никогда мне об этом не рассказывал?

Он пожал плечами.

— Почему же, рассказывал. Ты, наверное, не обратила внимания.

И, честно говоря, в этом была доля истины. В начале нашего знакомства Дима обрушил на меня такой объем историй, фактов и воспоминаний, что я действительно могла многое пропустить. К тому же тогда я была излишне занята внутренней борьбой — со своим комплексом неполноценности и нежеланием показаться несведущей перед столь высокообразованным собеседником, в которого втрескалась по уши.

Анаит увлеченно складывала эти детали в одну ослепительную картину. И Дима, подсвеченный ее восторгом, предстал передо мною более удивительным, ярким и талантливым. Слушая ее, я ловила себя на том, что начинаю восхищаться мужем сильнее — заражаясь ее пылом.

Хотя Анаит обладала бесспорной привлекательностью, особым восточным шармом и смотрела на Диму влюбленными глазами, ревности я не испытывала. Ни секунды не сомневалась: Дима полностью в моей власти. Впрочем, и я принадлежала ему без остатка. Мы словно читали мысли друг друга.

Анаит рассмеялась и сказала:

— Ты знаешь, а ведь вообще-то я Диме обязана своим дипломом!

Я недоверчиво посмотрела на нее, и она продолжила свою историю.

Анаит получила техзадание, где были указаны адрес объекта, список обязательных помещений с метражом и назначение — «Общественно-деловой центр». Сначала ей казалось, что страшно повезло с руководителем. Настоящее светило: академик, народный архитектор СССР, почетный председатель международного архитектурного союза, лауреат Ленинских и Государ-

ственных премий, чье имя произносилось с благоговением. Это казалось невероятным успехом!

На подготовку отводилось полгода. Анаит расположилась в выделенной аудитории и стала ждать визита наставника. Но что-то пошло не так. Другие кураторы заглядывали к своим подопечным ежедневно, но ее академик так ни разу и не появился. Вероятно, преподавание служило для него лишь довеском к регалиям, и студенты его совершенно не интересовали. Анаит была вся на нервах: время утекало, а она не начала обсуждения.

Прошел месяц, когда наконец состоялась их единственная встреча. Светило неспешно вплыло в комнату, где Анаит сидела в окружении десяти подрамников с натянутыми на них девственно чистыми листами ватмана. Она вскочила навстречу, надеясь получить ценные указания по разработке и подаче проекта.

Мэтр некоторое время молча ее рассматривал. Потом вальяжно приоткрыл полу своего элегантного фирменного пиджака. Анаит с замиранием сердца следила за его жестом, ожидая, что он извлечет оттуда нечто, способное воплотиться в блестящие идеи. Но почетный председатель ткнул пальцем в лейбл на изнанке и важно изрек:

— Кристиан Диор.

И произнес эти два слова так, будто дал исчерпывающую консультацию. Больше никаких указаний не последовало. Так же неторопливо он повернулся и величественно удалился в светлую даль.

Анаит осталась стоять совершенно ошеломленная. Она ясно осознала: помощи не будет, и громко зарыдала.

В этот момент мимо по коридору проходил Дима. Он заглянул внутрь.

— Что случилось? Почему ты плачешь?

Анаит в отчаянии поделилась, что осталась без руководства и совершенно не понимает, что делать.

Дима выслушал и весело заметил:

— Так это же везуха! Идеальная ситуация. Никто не будет мешать тебе и диктовать свои ограничения.

— Дима, какие ограничения... Я не знаю, с чего начать... — всхлипывала она.

Дима махнул рукой:

— Отлично, полная свобода творчества! Смотри. Сейчас я набросаю несколько эскизов, а ты выберешь вариант.

Он взял лист бумаги. Анаит с восхищением наблюдала, как на нем появляются быстрые линии.

— Ну вот. Что тебе больше нравится?

С тех пор он каждое утро заглядывал к ней в аудиторию. Давал советы, поправлял, объяснял конструктивные решения. А когда дело доходило до особенно трудных узлов — брал карандаш и быстро находил выход.

В итоге у Анаит получился великолепный диплом. Работа вошла в число лучших и получила рекомендацию «к внедрению».

Спустя несколько лет после окончания института на том самом участке действительно начали возводить офисный комплекс. И однажды Анаит с изумлением узнала в строящемся здании свою дипломную работу. Конечно, это не была стопроцентная копия. Однако основные линии, ключевой замысел и идея оставались узнаваемыми: стеклянная башня в центре и два крыла с арками, расходящиеся вдоль Садового кольца и Павелецкой площади.

Я слушала ее — и вдруг ощутила, как по спине пробежал холодок. Потому что это был тот бизнес-центр на Павелецкой, где я когда-то работала. На первом этаже располагалось кафе, в котором мы с Димой и познакомились. Мурашки пробежали по коже.

Круг замкнулся: когда-то Дима придумал эту хрустальную башню.

И именно там он встретил свою любовь. Меня.

Эксклюзивный дистрибьютор. Июль 2002.

В субботу после обеда, вместо отдыха после напряженной недели, я отправилась в офис нашего эксклюзивного дистрибьютора. Слово «эксклюзивный» должно сразу вызывать вопросы. Как правило, это худший сценарий для бизнеса. Нельзя держать все яйца в одной корзине, потому что рано или поздно посредник начинает выкручивать яйца владельцу бренда.

Наш случай был тяжелым. Нет, точнее — безнадежным. Нашим партнером были индусы. Ничего не имею против этой или какой-либо другой национальности. Но сочетание «индусы — эксклюзивный дистрибьютор» несло в себе определенный, предельно понятный смысл для каждого, кто хоть раз сталкивался с российским бизнесом конца девяностых — начала двухтысячных.

Факты лежали на поверхности: «ежемесячное перечисление фиксированной суммы», «договор не подлежит расторжению». Гигантские транши падали на их счета. На подобные бюджеты можно было бы провести полноценную телевизионную кампанию с широким охватом, а заодно запустить масштабное промо для покупателей.

Я не была наивной. Прекрасно знала, что и в иностранных корпорациях существуют схемы личного обогащения топ-менеджмента. Однако те хотя бы развивали вверенные им марки. Зачем рубить сук, на котором сидишь?

Здесь же на моих глазах разворачивалось нечто странное. Темур цинично пилил бюджеты с партнерами, никого не стесняясь и высасывая последние соки из агонизирующего бренда. Это был не бизнес, а банальное мародерство.

Меня провели в небольшую переговорную. Я чуть не задохнулась: там было накурено так, что хоть топор вешай. Дымили все присутствующие — человек пять, включая Темура. Индусы курили непрерывно: следующая сигарета зажигалась от предыдущей.

Мой комфорт никого не волновал. Подчеркнутое равнодушие под табачной завесой недвусмысленно указывало: я здесь — пустое место.

Накануне Темур похвалил мою презентацию и велел повторить ее сегодня. Я вывела на экран слайды с анализом конкурентов и обзором рынка зубных паст.

Отрасль демонстрировала уверенный рост, на фоне которого катастрофическое падение «Аквакина» выглядело гораздо печальнее. Пока я представляла анализ ключевых индикаторов, мои слушатели кивали.

Однако когда дело дошло до моих предложений по спасению бренда, стало ясно: у партнеров на этот счет имелись собственные соображения.

Началось обсуждение. Мне не давали и рта открыть. Индусы говорили по-английски громко и напористо, с характерным резким акцентом. В комнате было душно. В моих висках пульсировала боль.

Но стоило мне вникнуть в суть предложенных трейд-промоушенов, как у меня буквально зашевелились волосы.

Меня потряс неприкрытый цинизм одной из акций, которой торговые представители «стимулировали» количественную дистрибуцию на оптовых рынках. Они якобы платили по тысяче рублей розничным продавцам — разумеется, наличными, без чеков и прочих глупостей — за факт присутствия марки на прилавке. Схема была неприкрыто мошеннической. Я не верила своим ушам: под эту дудку можно было бесконтрольно осваивать миллионы.

Существовали и другие емкие механизмы для отмывания денег, едва прикрытые фиктивными отчетами. Вся эта пачка ждала меня. Я должна была завизировать каждый из криминальных документов собственной рукой. Собственно, это и являлось основной целью нашей встречи.

В тот момент я поняла, какое мне уготовано предназначение. Речь шла не о позиции стороннего наблюдателя. Меня решили «замазать», чтобы подставить в случае любой проверки. Расчет был безупречным: за свои махинации тиран переложил ответственность на меня.

Хищно оскалившись, Темур пронзал меня черными глазами, как кинжалами. В табачном мареве наши взгляды встретились. В этот миг стало ясно: он готов выпить всю кровь не только из агонизирующего бренда, но и из меня.

Не выдержав, я первой опустила голову. Зло было сильнее. Я была раздавлена.

Сгребла пачку «документов» и запихала в сумку. Сославшись на невыносимую головную боль — что было абсолютной правдой, — попрощалась, сказала, что изучу все позже, и выбежала на улицу.

Я ощущала, что подверглась унижению, почти насилью, хотя формально меня и пальцем не тронули. Бумаги в сумке жгли, как раскаленные угли. Упав на мягкое сиденье новой машины, я зарыдала. Чудесный Фольксваген меня не радовал. Я горько жалела, что продала свою Реношку и что вообще сдуру приняла это предложение. «Заманчивое» — вот именно. Заманили меня, как муху в сети к пауку, и он готов высосать мою жизнь.

Просидела так около часа. Наконец утерла слезы и тронулась с места — домой, под защиту Димы, чтобы выплакать эту невозможную субботу.

Первым моим побуждением было швырнуть Темуру в лицо пачку отчетов вместе с заявлением об увольнении. Но, немного остыв и обсудив все с Димой, решила не спешить. На то была веская причина: сумма долга Лине равнялась моей годовой зарплате. Значит, я была обязана продержаться некий срок, чтобы существенно его сократить.

Мы с Димой трезво оценили опасность и пришли к выводу, что пока риск не слишком высок. Все акты были составлены за второй квартал — апрель, май и июнь, — а меня приняли на работу в начале лета. Все эти акции планировались и запускались задолго до моего появления. Если дойдет до проверки, это легко доказать. Меня действительно поставили перед фактом, представив сомнительные схемы лишь на сегодняшней встрече с нашим партнером — настоящим гением отката.

И я наступила себе на горло. Все подписала, хотя презрение к себе в тот момент стало осязаемым. Вот за это я и ненавидела кредиты: они лишали свободы действия. Приковывали к обязательствам, как раба к галере. Если бы не долг, я бы поставила точку, швырнув Темуру и сомнительные отчеты, и заявление об увольнении. Но теперь оставалось лишь подчиняться воле этого подлого существа. В очередной раз поклялась себе: больше никогда и ни у кого не занимать.

Конечно, приобретение квартиры — это не телевизор или отпуск. У меня всегда вызвали недоумение люди, которые оформляют рассрочку на шикарные путешествия, а потом не могут расплатиться. Но, выходит, разницы между ними и мной никакой. Я вляпалась в то же дерьмо. Дура, правильно говорит про меня Лина.

Красный день календаря. Август 2002.

Мы с Димой вели скромную, но насыщенную жизнь. После вычета ежемесячного платежа нам хватало на то, чтобы и самим радоваться, и близких делать счастливее. По выходным вместе с нашими мальчишками ходили по музеям и выставкам, объезжали подмосковные усадьбы, или навещали старшее поколение. Побывали и у моих бывших свекров, где проводил каникулы Кирюша, и у папы с Ларисой Христофоровной, и у Маргариты Вениаминовны.

Везде нам были рады, но и мы приезжали не с пустыми руками, устраивая маленькие праздники. Особенно приятно было благодарить Анну Ефимовну и Александра Афанасьевича.

Анна Ефимовна как-то обмолвилась, что сантехника в их доме пришла в негодность: кнопка унитаза западает, бачок течет, раковина треснула, а душевая лейка забилась известью. Она рассказывала об этом без задней мысли, лишь описывая будничные трудности. Оба их сына были в доме редкими гостями: старший, Игорь, служил на Дальнем Востоке, а младший, мой бывший муж Леня, был занят собой. Пожилые люди остались предоставлены сами себе.

Тем не менее мы с Димой решили, что обязаны помочь. Заглянули в строительный магазин, выбрали оборудование, нашли мастеров. Кирюша, у которого были ключи, выяснил, когда бабушка с дедушкой собираются на целый день на дачу. Мы, как заговорщики, поджидали утром у подъезда, пока Анна Ефимовна и Александр Афанасьевич уедут, и за один день обновили санузел.

Анна Ефимовна заплакала, когда увидела перемены. Дед тоже в изумлении поворачивал блестящие ручки и нажимал кнопки. Краны сверкали хромом, белоснежный унитаз сиял, как на витрине. Заодно появились пушистые нескользящие коврики, новые полотенца и современная шторка — все в едином светло-желтом тоне. Бабушка обнимала то меня, то внука, то Диму и повторяла:

— Господи, за что мне такое счастье! Дай бог вам здоровья! Добро к вам вернется!

Я тоже шмыгала носом, а Кирюша прошептал мне на ухо:

— Мам, надо бы и обоим им переклеить.

В конце августа у моей второй свекрови Маргариты Вениаминовны намечался юбилей — шестьдесят пять лет. Я заранее позаботилась о подарке. Мне доставляло удовольствие радовать родных, поэтому я вызвалась помочь ей с организацией праздника.

Однако мое стремление поддержать свекровь обернулось тем, что она свалила на меня всю нагрузку. Объявила, что доверяет мне, и больше ни во что не вмешивалась. Сама лишь пригласила гостей. Немного. Восемнадцать человек.

Когда она озвучила их число, я охнула: не рассчитывала на столь масштабный прием. Но отступать было поздно. Маргарита Вениаминовна самоустранилась. Я продумала меню и составила список продуктов. Стало ясно, что закупать все это придется нам с Димой. Мы съездили на рынок и в супермаркет. Пришлось достать кредитную карту.

В субботу я вскочила в шесть утра, чтобы успеть испечь пироги и приготовить закуски. Жарила, парила, пекла без остановки. Через пару часов, глядя на горы заготовок и бесконечные рецепты, впала в легкое отчаяние: этот кулинарный размах казался непосильным. Будить мужа, вернувшегося накануне после полуночи, я не хотела — он всю неделю катастрофически не высыпался, и мне было важно дать ему отдохнуть. Однако Дима вышел на кухню попить воды — да так там и остался.

Ни слова не говоря, он повязал фартук и встал рядом. Меня захлестнула благодарность. Чуть позже к нам присоединился и Кирюша.

— Ого, да у вас тут горячий цех! — воскликнул он, протирая глаза.

— Вставай в строй, — пригласил его Дима. — У нас труд не бесплатный, зарплата морковками!

— Да, Кирюша, помоги, пожалуйста, зашиваемся. Можешь натереть всю морковь вот на этом комбайне?

— Отлично, буду комбайнером!

— А я — трактористом! — засмеялся Дима. — Мы наготовили целые горы. Нужен трактор, чтобы их перевезти.

— Всем буду говорить, что мой муж — тракторист. Ну а я тогда — агроном, — я с грустью взглянула на пострадавший маникюр. — Под ногтями чернозем — это значит агроном.

Но Дима поцеловал мою руку, и ко мне вернулась радость. С шутками и прибаутками дело сдвинулось. Стемнело, когда мы упаковали все в контейнеры.

Утром в воскресенье отправились на дачу. Дима был прав: трактор бы нам не помешал. Кирюша на заднем сиденье, заставленном коробками с едой, держал на руках кота и охранял три торта, не поместившихся в багажник.

— Вот шея свободная осталась, можно сосиски на нее намотать, чтобы место не пропадало, — шутил он.

— Какие сосиски, Кирюша! Не упоминай этого слова всуе! — засмеялась я. — Маргарита Вениаминовна доверяет лишь натуральным продуктам, так что химия сегодня под запретом.

Маргарита Вениаминовна, увидев все это великолепие, величественно кивнула, молвила «спасибо» и распорядилась поставить столы в саду. После этого удалилась и устроилась с книгой в шезлонге у калитки, чтобы первой встречать гостей.

Дима с Кирюшей вынесли два больших стола под яблоню, накрыли их белоснежными скатертями, которые мы прихватили из дома, и наполнили вазы цветами. Вскоре явился Леша, тут же взявшийся за дело. Мальчишки расставили стулья, приволокли длинную скамью. Задействовали садовые качели. Леша застелил их пледом и накидал подушек, а сверху закрепил легкий тюль — старая конструкция превратилась в яркий арт-объект из восточных сказок. Яблоню он тоже украсил: прикрепил к веткам огромные бумажные плоды из цветного картона.

— Леша, ты настоящий творец! Вот что значит сын архитекторов, гений дизайна, — воскликнула я, с восторгом оглядывая преобразившийся «зал торжеств».

Но и Кирюша от него не отставал. С воплем «Эврика!» он метнулся в сарай, извлек удлинитель и старую елочную гирлянду, поколдовал, и лампочки вспыхнули. Довольный сын погасил их, обвинил Лешин декор и объявил:

— Это будет сюрприз: вечером, когда стемнеет и мы станем выносить торты, подсветим для эффекта!

— Гениально! — ахнула я в восхищении.

Глядя на уверенные руки сына, невольно вспомнила, каким он был недавно — вечно плачущим, слабым, практически немым ребенком. А сейчас этот «безнадежный» мальчик чинит технику и режиссирует праздник.

— Ну, Кулибин, — одобрительно хмыкнул Дима, — с таким освещением наш выход станет гвоздем программы.

Закончив оформление, наша команда принялась перекладывать еду из контейнеров в салатницы и миски.

Я окинула взором преобразившийся сад. Осталась довольна: нам удалось организовать для свекрови великолепное застолье. Признаться, я не предполагала, что затраты целиком падут на нас с Димой, однако не испытывала сожалений о потраченных деньгах и времени.

Собрались гости. Дима откупорил бутылки и поднял первый бокал за маму. Леша, сидевший рядом с бабушкой, чмокнул ее в щеку. Маргарита Вениаминовна сияла.

Я лишь пригубила вино и продолжила метаться: меняла блюда, следила за утиными ножками в духовке и подносила горячие пироги. Дима в это время взял на себя функции тамады: ухаживал за мамиными подругами и предлагал тосты. Именинница благосклонно принимала восхваления. Когда приглашенные принялись за еду, за столом зашумели: нахваливали утку

и выпытывали рецепт выпечки. Я улыбалась, чувствуя усталость, и едва успевала поворачиваться.

В сумерках Кирюша вручил мне выключатель от своей гирлянды, и они с Димой и Лешей ненадолго исчезли. Процессия выноса тортов вызвала настоящий фурор. Свечи полыхали как факелы. Сын подал сигнал, я нажала кнопку — по саду разлился мягкий свет. Гости зааплодировали.

Когда первая волна восторга утихла и щедрые ломтики десерта лежали на тарелках, воцарилась тишина. Слышалось лишь негромкое постукивание ложек. Домашние коржи, пропитанные нежным кремом, таяли во рту. Гости жмурились от удовольствия, признавая вслух:

— Божественно вкусно!

Маргарита Вениаминовна положила себе добавки. Я была довольна: шоколадный шедевр по рецепту Анны Ефимовны никого не оставлял равнодушным.

Я подливала чай, оглядывая три поколения нашей семьи, собравшиеся вместе. В этот момент ощущала себя архитектором крепкого клана.

Но неожиданно пришло горькое осознание: в качестве хранительницы очага я подозрительно напоминала официантку, оставаясь единственным человеком, который так и не присел за стол. В собственном поведении увидела отражение того, как в старину невестка прислуживала в доме.

Сама купила, сама сварила, сама все убираю — думала я, таская грязные тарелки к огромному корыту у колодца. С тоской посмотрела на уставший маникюр, но Дима перехватил мой взгляд и подал знак: завтра он все вымоет. Я вздохнула с облегчением и опустилась рядом с ним — ноги подкашивались от усталости.

Память тут же подкинула сравнение: месяц назад на дне рождения у прежней свекрови я не ощущала себя прислужгой. Анна Ефимовна подкладывала мне лучшие кусочки.

«Ну да ладно, — повторяла я себе, — это инвестиция в будущие отношения с мамой мужа». Но на душе все равно было пасмурно.

Назавтра я не смогла не обсудить свои мысли с Линой.

Она была категорична:

— Ты сама виновата. Должна была выяснить детали до того, как согласилась помочь.

— Да я сама ей предложила!

— Тем более. Нужно было все обсудить заранее, в том числе и финансы. Знаешь выражение: «За чей счет банкет?»

— Лина, мне было неудобно, искренне хотела ее порадовать. Не ожидала, что она пригласит такую толпу, а сама устранился. Надеюсь, она хотя бы оценила мой подвиг.

Лина скептически взглянула на меня:

— Меня поражает твоя наивность. Думаю, она не только взвалила на тебя и хлопоты, и расходы, но и приняла это как должное. Судя по твоему рассказу, она не поблагодарила тебя толком.

— Ну, не так. Сказала «спасибо».

— «Спасибо»! Да ты два дня пахала поваром, официанткой и уборщицей, да и оплатила все это! Уж я-то в курсе, что лишних денег у вас нет. Банкет на восемнадцать человек за «спасибо»! Да она использовала тебя. Дура ты, Юля. Дура.

Я расстроилась. Но потом убедила себя, что Лина не права. Отношения в семье выстраиваются годами, и такие усилия не бывают напрасными. К нам едет ревизор. Август-Октябрь 2002.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.